

Александр Эртель

Жолтиков

Александр Эртель

Жолтиков

«Public Domain»

1883

Эртель А. И.

Жолтиков / А. И. Эртель — «Public Domain», 1883

«Протас Жолтиков человек был сердитый. Его понурое лицо с ввалившимися щеками и глазами, сердито и настойчиво устремленными на вас, носило на себе вечные следы желчного раздражения. Говорил он самые любезные вещи с видом крайнего недовольства и, объясняясь вам в своей дружбе, метал на вас самые враждебные взоры...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Александр Иванович Эртель Жолтиков

Случалось ли вам, господа, быть в лесу в пору ранней весны? Все напоминает еще о суровом зимнем царстве. Глаз проникает далеко в глубь леса. Корявые деревья, подобно остовам, мрачно протягивают обнаженные сучья свои, по которым то и дело пробегает звонкий весенний ветер. Черные пни и серый валежник в печальном беспорядке громоздятся здесь и там. Толстый слой поблекших листьев вяло шелестит под ногою. В оврагах синееет снег. В ложбинах с холодным сверканием бегут ручьи, обрамленные голыми берегами. Все повержено в какую-то меланхолическую тишину. От этих суровых дубов, недвижимо распростирающих узловатые свои сучья, от этих стройно сверкающих берез, в глубоком молчании столпившихся на краю вершины, от этих покоробленных осин и жидкого орешника с остатками желтой лапчатой листвы, слабо трепещущей на темных лозах, – веет какою-то щемящей печалью, свойственной всему, что носит следы разрушения... Но стоит, вам пристальней взглянуть в это царство запустения и смерти, стоит вам выйти на опушку да оглянуть голубую даль, стоит вам глубоко вдохнуть воздух, звенящей струею перебегающий по мертвым деревьям, – и та печаль, которая, может, еще за минуту угнетала вас, заменится иным чувством, – жизнь обвеет вас могучим своим дыханием. Эту жизнь ощутите вы и в запахе, несущемся от леса, – в запахе, в котором с чарующею прелестью соединены затхлый аромат увядания и крепительная свежесть воскресающей природы. Эта жизнь повеет на вас и в переливах горячего света, который нет-нет и скользнет жидкими пятнами по стволам деревьев и по кустарнику перелеска; нет-нет и осветит прикипшую в тайном ожидании глушь, как бы вызывая к пушному напряжению скрытые в ней жизненные силы... И силы эти с неустанным постоянством проникают каждую былинку, каждую лозу кустарника. Едва заметные розовые почки пестреют на липе и черемухе. В ветвях бледной осины повисли нежно пушистые червячки. Орешник усыпан темно-красными ростками. Там и сям, как бы украдкой, вылезает травка, пронизывая своим упругим острием толстый слой прошлогодней листвы. Теплые, сочные тоны выступают сквозь шероховатую кору деревьев, и самый дуб как будто поступился суровым своим видом. Горький запах, распускающейся березы стоит в воздухе. Какие-то птички звонко пищат и бойко мелькают вдоль перелеска. Смеющийся луч прихотливо перебегает по деревьям, нагоняя улыбку на угрюмых великанов леса... Где-то за лесом звенит и булькает шаловливый ручей. Воздух прохладен и ясен... Вы слушаете... смотрите в каменной неподвижности... и чувствуете, как в груди вашей, сладостно стесняя дыхание, ширится что-то невыразимо хорошее; как что-то бодрое и здоровое разливается по вашим жилам, кровь стучит, и страстная жажда жизни обнимает все ваше существование.

Не знаю почему, но время, переживаемое нами с конца пятидесятых годов, всегда мне казалось похожим именно на это пробуждение созидающей природы. В воздухе холодно, и ласковое веяние весны еще часто перемежается морозами, а между тем страстное жизненное напряжение ощущается повсюду. Почки и ростки настойчиво проникают сквозь толщу всяческих нагноений, так щедро уготованных нам скорбной нашей историей... Несомненно, разумеется, что много этих почек безвременно погибнет, а из иных пышно расцветет чертополох, и страстное жизненное напряжение произведет между прочим и крапиву... Несомненно – выползут на свет божий и такие продукты, что, подобно *Oxalis'y tropaeoloides*¹, до известной поры пребудут не без пользы, а затем сойдут в былку и, без зазрения совести, станут истощать почву. Но то уж дело будущего считаться и, проклиная почву, вырастившую дрянь, подводить итоги... Нам, современникам, приходится лишь констатировать и, заручившись камен-

¹ Кислица настурцевидная (лат.).

ным сердцем, с одинаковым хладнокровием обонять: пакость возникающую и безжалостно убитую морозом полезность.

Я на этот раз, минуя пакость, от которой, право, задыхаешься, и обходя с обычно нашему брату писателю осторожностью полезность, безвременно убитую морозом, займусь родом средним и представлю благосклонному читателю тот едва возникающий на нашей почве *Oxalis tropaeoloides*, который до поры до времени пожалуй что и полезность с успехом замесит. Я разумею российского чистокровного рантьеера, и притом рантьеера с следами недавних мозолей на руках – рантьеера-выходца.

Еще не так давно между деятельным русским купечеством средней руки очень были редки люди, исключительно живущие на проценты с капитала. Жажда непрерывных стяжаний была велика в том сером человеке, который воистину горбом своим сколачивал капиталец. Такая несложная операция, как простое получение процентов, ему претила. Ему была непонятна идея капитала, входящего в русло, получающего неподвижную форму. И тысячником и миллионером он знал одно стремление – наживу, и один путь для этой наживы непрерывную практику, непрерывную игру ума и мускулов. Пассивное выжидание «сроков» и «граций» было не в натуре вчерашнего пахаря или прасола. Этот терпкий, вечно промышляющий человек как бы боялся всякой минуты, свободной от коммерческих козней, и был прав, разумеется, ибо в большинстве эта свободная минута неминуемо сопровождалась для него мрачным призраком угнетающей тоски и отчаянного запоя. Кроме тоски и запоя, нечем было пополняться его досугу. Правда, бывали и тогда исключения из общего правила. Но если вчерашний прасол находил себе дело, помимо вечной погони за приумножением, и особенно если дело это заключалось хотя бы в самой робкой попытке проникнуть в таинственную область «теоретических» интересов, – на него смотрели как на блаженного. Кредит такого блаженного иногда падал с невероятной стремительностью, и, разумеется, падение это служило поразительным примером непригодности для купечества каких-либо интересов, помимо интересов кулаческих.

Так было недавно. Но что бы ни твердил обычай, всеразлагающий прогресс делает свое дело. Усугубляя авторитет коммерческих козней и доводя до степени даже неудержимого бешенства стремление к наживе, он, вместе с тем, и из области интересов теоретических кое-что облакает престижем. Вчерашняя «блажь» сегодня становится чем-то похожим на дело. Вчерашняя перспектива запоя и невероятной тоски сегодня обещает времяпрепровождение, полное невинных приятностей. И вот как выразитель этого нового взгляда на «свободную минуту», проникает сквозь кору невероятной скудости купеческого мировоззрения новый росток – рантьеер-выходец. Тип продукта этого еще смутен. Его покрывает еще некий туман. Но он, несомненно, возникает. Он крепится жуткими новостями дня. Он тонкой отравой сочится в нелепом строе дикого кулачества. Он медленно, но непрерывно разъедает основы исконного мировоззрения, доселе господствующего в «рядах» и лабазах. Повторяю, он, подобно молодому *Oxalis'у tropaeoloides*, приносит пользу и, вероятно, еще много принесет ее, доколе в свою очередь не обратится в черствую былку и не войдет в роль «волчца», что в конце-то концов все-таки неизбежно.

...Все это прочтите, читатель, вместо предисловия. Теперь же простите за него и перейдемте к делу.

Одну из зим пришлось мне как-то, вместо хутора, провести в маленьком уездном городке. Квартиру снял я у купца Жолтикова. Протас Захарыч Жолтиков торговлей не занимался, и деньги у него частью лежали в банке, частью ходили по рукам за умеренные проценты. Жил он с сестрою – старой девой весьма почтенного калибра и недалеких способностей. Квартирка моя отделялась от хозяев тонкой тесовой перегородкой. Таким образом, я был невольным свидетелем интимной жизни Жолтиковых, а они – моей, разумеется. Но нас это не стесняло, ибо государственные тайны не угнетали душ наших... Сестра, – имени ее я, право, не знаю, ибо любезный братец не величал ее иначе как «клуша» и «бревню», – с раннего утра

принималась за хозяйство, то есть хриповатым басом ругалась с кухаркой, что-то скребла, что-то мыла... В результате к двенадцати часам получался обед. Брат тоже с раннего утра уходил из дому и до самого обеда слонялся по лавкам и лабазам. К обеду он приходил обыкновенно нагруженный новостями (преимущественно политического свойства), которые и сообщал сестре в промежутках недовольного брюзжания по поводу подгорелой котлетки. Изрядно отдохнув после обеда, он снова брал в руки свою великолепную грушевую палку и отправлялся на базар; вечером же, за шипящим самоваром, снова происходило выгружение новостей, перемежаемое руганью на несчастное «бревно».

Протас Жолтиков человек был сердитый. Его понурое лицо с ввалившимися щеками и глазами, сердито и настойчиво устремленными на вас, носило на себе вечные следы желчного раздражения. Говорил он самые любезные вещи с видом крайнего недовольства и, объясняясь вам в своей дружбе, метал на вас самые враждебные взоры. Городок свой он всегда бранил, и бранил с неизъяснимой беспощадностью.

Но скажу несколько слов о городке. Он был в той же степной стороне, где и хутор мой, и, по обычаю всех степных городков, ни оживлением особым, ни особой привлекательностью не отличался. Зимой дикие степные вьюги заносили его сугробами; осенью в нем свирепствовала невылазная грязь и на площадях стояли лужи, похожие на озера, летом непрестанно клубилась горячая пыль...

Жизнь в нем – тоже по обычаю всех степных городков – сочилась вяло и тоскливо. В клубе вечно винтили и дулись в рамс, в определенные дни перемежая карты дружным топотом неуклюжих ног под звуки скрипки, сдирающих кожу, и до остервенения ревущего контрабаса. В «рядах» в томном вожделии покупателя передвигали шашки, смаковали новости и слухи и до изнеможения опивались чаем. В канцеляриях отчаянно скрипели перьями, сладко мечтая о наградных к празднику и об имеющихся соорудиться на эти наградные розовых галстуках и полосатых панталонах.

Так проводил время мужеский пол. Дамы, по своему обычаю, больше сидели дома и тоже проводили время без особенного разнообразия. Более бонтонные из них штудировали Золя и перелистывали Маркевича, восторженно говорили об изящных предметах с такими же бонтонными дамами, болтали с горничными о новостях околотка и важно рассуждали о преимуществах тройного рюша перед двойным и о превосходстве бахромы «с плюмажем» над бахромой простою... Дамы менее бонтонные спали и ели, пили чай и пили кофе, жевали шоколад и икали... а в промежутках играли «в носки» с горничными, заводили невинные интрижки со щеголем-писарьком из полицейского управления, сплетничали и мечтали о новой «ротонде» к празднику. Те и другие в определенные дни съезжались в клуб, толклись в кадрили и порхали в польке, кружились в вальсе и – нечего греха таить – иногда бегали и в мазурке. Все это дамы более бонтонные выполняли с манерой явной и пренебрежительной снисходительности, а дамы менее бонтонные – с явным же и даже несколько восторженным восхищением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания